

ЦЕНА СЛОВ

Время нас оплетет, как сентябрьскую муху паук,
изъязвит, как проказа уставшее тело Иова...
Что от нас остается? Один только свет или звук.
Но, увы, не всегда. Иногда ни того, ни другого.
Слово слову не ровня. Различны их вес и цена.
Глянь: вот это бесплотно, как пух, а другое — железно...
Иногда от записанных слов остается одна
пустота, равнодушный мираж, безвоздушная бездна.
Только хочется верить, что в будущем мареве лет
через толщи случайных словес и забвенья цунами
чей-то чуткий радар, что настроен на звук и на свет,
отличит от нуля то, что было придумано нами.

БЕЛКА

В который раз стена идет на стену,
в который раз страна встает к мартену,
а на ТВ — насупленный мессир.
Победный рок-н-ролл гремит басами;
почти соприкасаются усами
улан, гусар, рейтар и кирасир.

Фельдмаршал гипнотические пассы
толкает в обезумевшие массы,
которые у Родины в долгу.
И верят все: рассвет вот-вот забрезжит.
Строка «Швед, русский колет, рубит, режет»
кипит в адреналиновом мозгу.

Сердца пылают праведным пожаром,
и над землей висит воздушным шаром
страстей мильоноваттовый накал.
Не пожелав нейтрально отсидеться,
вновь пятая колонна в диссидентство
впадает, словно Селенга — в Байкал.

Александр Михайлович Габриэль — трижды лауреат конкурсов им. Николая Гумилева (2007, 2009, 2018), обладатель премии «Золотое перо Руси» 2008 года, автор многочисленных газетных и журнальных публикаций в США, России и других странах. Автор пяти книг. С 1997 года проживает в пригороде Бостона (США).

А прочим — тишины одной лишь хотца
и думается: может, обойдется,
да сгинут к бесу боль да ратный труд,
и станет небо — близко, море — мелко,
и будет мир, где пушкинская белка
из ядер выгрызает изумруд.

ВЫШЕ

Уж коль мы — Творца поспешный небрежный росчерк,
сгодятся нам хлеб да водка в простой посуде.
Для нас руководства пишут: мол, будьте проще,
и к вам непременно будут тянуться люди.
Но в целом мы все бесплотней, чем ветер в роще.

Быть серым, как пыль дороги — обычай. Норма.
Неужто законы Дарвина так жестоки,
что наше предназначение — поиск корма?
Не каждый же день рождается Стивен Хокинг.
Не каждый же день рождается Милош Форман.

А новый закат опять под копирку начат,
безликий, как будто плац под пятой солдата.
Но кто-то зажег те звезды, а это значит...
А впрочем, об этом кто-то сказал когда-то:
может, Боб Дилан, а может быть, Терри Пратчетт.

И будь ты адепт Христа, Магомета, Шивы,
покуда Создатель нас из гнезда не вышиб —
из душ не исчез покуда простой нелживый
тот рудиментарный навык — тянуться выше.
Возможно, за счет него мы пока и живы.

ПОЛКОВНИК

Не бессонница, нет. Но зачем-то судьба наградила
снами жизнью чужих, приходящими глупо и вдруг.
Я военная косточка. Имя мое — Буэндиа.
И никто не проникнет в песочный начертанный круг.
Шринк мне пишет в диагнозе, дескать, я passive-aggressive;
сыновья полагают, что я не от мира сего...
Мне героем не стать. Я по крови не летчик Маресьев.
Я вещичка в себе — но в Макондо таких большинство.
Так бывает порой: все пути состоят из обочин —
там и будет пикник, чтоб с другими не вместе, а врозь...
Был однажды живым — но увы, получалось не очень.
Попытался стреляться — и с этим, увы, не срослось.

Ни о чем не прошу, лишь о крохотной собственной нише.
Обхожусь без друзей, познаваемых только в беде.
На земле — ничего. Нелюбовь да текущие крыши
по причине дождей, от которых не скрыться нигде.
В этих тягостных снах я пустой, как ночная аллея,
и просяно время сквозь мыслей моих решето...
Я, наверное, вечен и, значит, дождусь юбилея:
моему одиночеству скоро исполнится сто.

ВЕЧЕР. УЛИЦА. 90-е

Там, где идут «быки», понтуются, швыряя мимо урн «бычки»,
башку втянула в плечи улица, в карманах сжавши кулачки.
И вдоль нее, активней трития, плывут, прогнав печаль взащей,
плоды нетрезвого соития со сквозняком промеж ушей.

Их речь, как шелуха арахиса, слух отравляет, как зарин;
и остается лишь шарахаться, спиной влипая в плоть витрин
пугливым пациентом Кащенко, с катушек съехавшим малек,
нащупывать рукой дрожащую в кармане тощий кошелек.

Расчертыхается уборщица, в их временной попав разлом.
Их куртки дутые топорщатся «пером», кастетом и стволом.
Спортивной поступью Газзаева по глянцу городских огней
они проходят как хозяева объятной Родины своей.

В который раз разряд неоновый вольется в пластик и гранит...
Утихнет гомон гегемоновый и гогот пьяных гоминид,
свершится ведьминское таинство, обряд, который всем знаком.
Они уйдут, а мы останемся, как валидол под языком.

Бывали беды и бедовее. Как прежде, шхуна на плаву.
Интеллигентское сословие, щипай привычную траву,
ведь выжило — как это здорово! — чтоб выдохнуть по счету «три»
в седое небо, до которого не дотянуться, хоть умри.

ТОЛЬКО ТЫ

Только ты, только ты. Ибо если не ты, то кто?
Поэтесса с горящим взором из врат ЛИТО?
Дрессировщица из приبلудного шапито,
вылезающая порой из тигриной пасти?
Мне б сказали одни, попивая шампань: «God bless!»,
и сказали б другие: «Куда же ты, паря, влез?!»
Наше счастье, по правде сказать, это темный лес,
и гадать на него успешно — не в нашей власти.

Только ты, только ты. Если я не с тобой, то где?
Менестрелем, шестым лесничим в Улан-Удэ
с хлебной крошкой в спутанной бороде,
налегающим на алкоголь грошовый?
Или вдруг, авантюрный сорвавший куш,
я б петлял, как напуганный кем-то уж,
уходя от вечного гнета фискальных служб
в оффшоры?

Все могло быть иначе. Грядущее — не мастиф,
уносящий в зубах ошметки альтернатив.
И куда-то б, наверное, несся локомотив,
и какие-то б, видимо, длились речи...
Только ты, только ты. Ибо если не ты, то кот,
никогда не пустующий невод земных невзгод,
ну, и ангел. Гладкий ликом, как Карел Готт,
и всегда отворачивающийся
при встрече.

БЫВШИЙ

А он говорит, что, мол, надо с народом строже.
Строгость нонешних — просто дурная шутка,
и расстрелов, и пыток — ведь ты согласишься — нема ж!
Ну, замажут дерьмом или плюхнут зеленкой в рожу...
Ну, подумаешь, цацы, это ж не рак желудка.
Какие все стали капризные, ты ж панимаш...

А он говорит, что верхушка на золото падка;
разложила народ, никакого тебе порядка,
и презрела зазря победительных лет канон.
И на лоб его многомудрый ложится складка,
озабоченности невыносимой складка —
глубже, чем аризонский Большой Каньон.

Что ему девяносто, когда он стареть не хочет?
Он заправский эстет, и на полке его — Набоков.
Жизнь, твердит он, ничто, коль ее не отдать борьбе.
Входит он в Интернет, словно входит в курятник кочет,
только мало ему, стоявшему у истоков,
у святейших истоков грозного МГБ.

Хоть удел офицера нередко бывает горек,
никогда, никогда сам себя не зовет он «бывший»
и глядит за окно, где прохлада и даль ясна.
И всего в двух шагах — аккуратный тенистый дворик,
где взволнованной гроздью сирени дышит
массачусетская весна.